

Когда Сун Ицзэ немного совладал с эмоциями, выражение его лица стало настолько мрачным, будто ему только что сообщили, что он вот-вот станет отцом.

Нин Си, едва метка была поставлена, мгновенно провалился в сон прямо у него на плече. Его феромоны, до этого бушевавшие вовсю, наконец улеглись. Взвесь в воздухе стояла густая, пьянящая: терпкий запах мяты и белого чая смешался с прохладными нотами цитруса и эбенового дерева — сладко, приторно и одновременно ледяно-свежо.

Открывать окна Сун Ицзэ не рисковал: стоит этому коктейлю вырваться наружу, и вся школа узнает, кто и с кем тут уединился. Благо изоляция в медпункте работала исправно. Включив очиститель воздуха, чтобы убрать избыток ароматов, он вернулся к койке и погрузился в молчание, разглядывая безмятежно спящего парня.

«Спасите... Что я вообще наделал?»

Парнишка лежал, чуть прикрыв веки; пушистые ресницы мягко опустились на побледневшие щёки. Румянец сошёл, лицо выглядело бескровным, но оттого ещё более уязвимым и покорным. Сун Ицзэ потёр виски.

Он правда это сделал. Поставил метку. Пусть временную, но всё же... Какого чёрта он вообще запер дверь, едва войдя в медпункт? Именно с этого засова всё и пошло наперекосяк.

Он мог поклясться, что не планировал ничего дурного. Но одно дело — укусить, и совсем другое — зажимать человеку рот. Со стороны это выглядело как самое настоящее принуждение. На ладони до сих пор сохранялось ощущение влажного тепла, а в памяти отчётливо всплывало воспоминание о том, как горячий кончик языка скользнул по его коже.

Во время сочетательной лихорадки омеги теряют рассудок, так что просьба Нин Си о метке была вполне естественной. Вот только сам Сун Ицзэ не находился в неадекватном состоянии. Он всегда отличался трезвым умом и никогда не поддавался чужому влиянию. И всё-таки... сделал это.

А ещё этот Нин Си... Только что отмахал трёхкилометровую дистанцию с отличным результатом, хотя до этого без конца твердил, будто слаб здоровьем и совершенно не способен к спорту. Как это понимать? Неужели перед приступом у омег случается такой всплеск сил? В школе о подобном точно не рассказывали.

Метка — штука серьёзная, причём для обоих. Нин Си и без того симпатизировал ему, а теперь, с возникновением физиологической привязанности, его чувства вспыхнут с новой силой. Если не ответить взаимностью, поступишь ли ты по-человечески? Совместимость по феромонам у них запредельная, они и так изображают пару, да и Нин Си парень понимающий, красивый... Могла бы такая связь перерасти во что-то большее?

Сун Ицзэ молча разглядывал его.

«Похоже, странный здесь именно я».

В этот момент спящий на койке Нин Си шевельнулся. Заметив, что тот пытается подняться, Сун Ицзэ тут же подался вперёд и бережно поддержал его за плечи.

Голова у Нин Си гудела, всё тело затекло, а заднюю сторону шеи саднило особенно сильно. Состояние было туманным. Он обвёл мутным взглядом комнату: медпункт. И в следующее мгновение воспоминания о том, как они тут обнимались и целовались, лавиной обрушились на него.

Чёрт, чёрт, чёрт! Что он наделал?!

Мысли путались, конечности отказывались слушать, но первой же фразой, вырвавшейся у Нин Си, было:

— Сколько времени?!

— А... — Сун Ицзэ поспешно глянул на часы. — Час тридцать дня. Ты долго спал, я только что ввёл тебе ингибитор феромонов...

— Что?! Уже полвторого?!

Омега, ещё секунду назад беспомощно сучивший ногами на кровати, будто получил разряд тока. Сбросив одеяло, он вознамерился сбежать. И дело вовсе не в том, что ему было невыносимо стыдно! Не слушая, что там пытается договорить Сун Ицзэ, Нин Си ринулся к выходу.

— Вернись! — крикнул ему вслед Сун Ицзэ.

Нин Си обернулся и зацепил взглядом широкие плечи Сун Ицзэ, рельефные мышцы на его руках... В памяти тут же всплыло, как он сам, подобно лиане, висел на нём и отказывался отпускать. Щёки вспыхнули с новой силой.

— Не вернись! — отрезал он, стиснув зубы.

— Вернись на минутку, подойди, — смягчил тон Сун Ицзэ, пытаясь успокоить его, как ребёнка.

— Мне нужно на соревнования! У меня днём прыжки в высоту! — Нин Си старался не смотреть на альфу, потому что от одного его вида внутри поднималась волна жара. — Я уйду. Почему

ты не разбудил меня раньше?!

— Ты ещё не отошёл от гона, тебе...

— За пропуск соревнований с класса снимут баллы!

Поняв, что ещё шаг вперёд — и этот пугливый кролик выскочит в окно, Сун Ицзэ остановился:

— Да выслушай ты меня! Я же ещё не успел...

Но Нин Си ничего не желал слушать. Стоило альфе подняться во весь рост, как уши омеги вспыхнули с новой силой. Организм, только что получивший метку, подсознательно тянулся к своему Альфе. Ощущая прилив его феромонов и вспоминая стыдные детали утреннего безумия, Нин Си мог думать только об одном: делать ноги.

— Потом поговорим! — огрызнулся он и, не слушая возражений, выскочил за дверь.

Выскочив на стадион, Нин Си выдохнул: народу вокруг было полно, значит, соревнования ещё шли.

— Извините, опоздал! — почесал он затылок.

Ху Янцай, уже все глаза проглядевший в ожиданиях, наконец облегчённо вздохнул:

— Ничего страшного! Я предупредил судью, тебя перенесли в конец списка. Давай сюда полотенце, я поддержу, а ты беги на регистрацию.

Только тут Нин Си заметил, что прихватил из медпункта чужое полотенце. Поспешно сунув его старосте, он уже собрался бежать, как вдруг Ху Янцай вытаращился на него:

— Ты... Вы чем вообще днём занимались?!

— А? — У Нин Си от одного упоминания полдня ёкнуло сердце.

— У тебя на железе феромонов след от зубов!

Омега тут же судорожно зажал загривок ладонью. Чёрт. Это же отметка Сун Ицзэ.

От этой мысли кожа снова вспыхнула, а место укуса отозвалось пульсирующим жаром. Он буквально весь был пропитан чужим запахом.

Ху Янцай, на которого мгновенно накатила волна чужой альфа-агрессии и собственничества, лишь покачал головой:

— Бог Цзэ вообще сдерживаться не умеет?

— Да нет же... Что делать-то? — шепотом спросил Нин Си. — У тебя есть пластырь? Прикрыть надо, я же не могу в таком виде выступать!

— А, да, сейчас найду...

Не успел Ху Янцай договорить, как перед ними нарисовалась стремительная тень.

Хлоп!

На загривок Нин Си опустилась чужая ладонь, прижав к укусу что-то прохладное. Блокирующий пластырь плотно закрыл ранку.

Подняв глаза, омега столкнулся с запыхавшимся Сун Ицзэ.

Все трое застыли в гробовом молчании.

Ху Янцай стоял между ними, не зная, куда девать глаза от неловкости.

До Нин Си наконец дошло: Сун Ицзэ так упрашивал его вернуться лишь потому, что хотел наклеить этот проклятый пластырь и спрятать метку!

Сун Ицзэ, явно бежавший за ним во весь опор, перевёл дыхание:

— Ты чего драпанул?

— Ничего я не драпал! — встал в позу Нин Си.

— А как это называется?

— Я на соревнования спешил! За честь класса бороться!

— Ну и к чему такая спешка? Я же просил подождать.

— Говорю же, торопился!

Сун Ицзэ уже готов был раздосадоваться, но, сообразив, что парень просто смущён, вдруг нашел его реакцию безумно милой.

— Ладно, хватит капризничать.

Нин Си уже открыл рот, чтобы рывкнуть: «Кто тут капризничает?!», как альфа склонил голову, точно нашкодивший крупный пёс:

— Виноват, прошу прощения. Надо было сразу наклеить пластырь. Иди выступай, только не перенапрягайся. Когда закончишь, я извинюсь как следует.

Нин Си сразу почувствовал себя глупо. И чего он раздул трагедию? Подумаешь, укусил парень! От этого ещё никто не умирал. К тому же... это было даже приятно.

Смятение улеглось, вернулась холодная логика. Давайте начистоту: приступ случился у него? У него. Это он набросился на Сун Ицзэ и уцепился за него мёртвой хваткой? Он. И укусить его умолял тоже он. Так кто здесь виноват?

Изначально его план состоял в том, чтобы изобразить слабость и загладить утренний прокол с трёхкилометровой дистанцией, отвлечь внимание Сун Ицзэ. И ведь сработало же! Да, пришлось действовать с некоторой долей бесстыдства и отхватить укус, но цель достигнута, а гон благополучно миновал. И чего теперь кочевряжиться? Самое время ковать железо, пока горячо!

— Тогда... когда я закончу, ты купишь мне мороженое, — тихо проговорил Нин Си, снова включая «мягкий» режим.

Сун Ицзэ посмотрел на него как на умиротворённого возлюбленного:

— Хорошо.

Он ещё раз проверил пластырь, убеждаясь, что его собственный феромон надёжно запечатан, и только после этого отпустил омегу.

Смотреть выступления Сун Ицзэ не мог — вызвали по делам класса, чему Нин Си был только рад. Иначе он бы сгорал от смущения. В итоге он аккуратно отпрыгал своё, заняв золотую середину среди двух десятков участников: и лицо не потерял, и образ «неспортивного» парня поддержал, отдав дань боевому духу.

Палящее послеполуденное солнце беспощадно выжигало землю.

Закончив состязания, Нин Си поднялся в учебный корпус. В здании почти никого не было — все высыпали на стадион и в спортзал, так что в коридорах царила гулкая тишина.

Зайдя в туалет, Нин Си плеснул в лицо прохладной водой, смывая пот. В зеркале отразилось бледное лицо и белеющий на загривке уголок блокирующего пластыря.

И надо же было телефону зазвонить именно сейчас.

Достав мобильный, Нин Си удивлённо моргнул: звонил Бай Сюйюй, с которым они давно не общались.

Стоило нажать на кнопку ответа, как из динамика раздался возмущённый вопль:

— Си-эр! Ах ты паршивец! Если я сам тебе не наберу, ты хрен про меня вспомнишь, да?!

Нин Си отодвинул трубку подальше от уха и, дождавшись, пока тот выдохнется, спокойно ответил:

— А, Сюйюй, это ты.

— ... — На том конце на миг затихли, а потом выдали: — Ты, сучонок, влюбился и даже словом не обмолвился! Мне что, на коленях у тебя информацию вымаливать?! Я видел тред на вашем школьном форуме! Ты что, реально мутишь с каким-то Сун Ицзэ?!

— А, ты про это, — Нин Си уже давно освоился с этими слухами и реагировал совершенно спокойно. — Тут всё непросто, в двух словах не объяснишь.

— Не объяснишь?! Да как это «не объяснишь»?! — Бай Сюйюй включил режим гиперопекающей мамочки. — Я тебе столько кандидатов подсовывал — ты ни на кого даже не глянул! Всё твердил: «учёба, учёба, учёба»! Кто такой этот Сун Ицзэ?! Назови имя этой сволочи, я лично приеду посмотреть, что за фрукт!

Нин Си задумался. Бай Сюйюй учится в другой школе, да и вообще он лучший друг прежнего владельца тела — скрывать от него правду смысла не было.

— Я не встречаюсь с Сун Ицзэ.

— В смысле?

— В прямом. Мы не пара, — ответил Нин Си. — С чего бы мне вообще встречаться с парнем?

— Си-эр, ты... — Бай Сюйюй запнулся. — Он тебе что, совсем не нравится?

Нин Си зажал телефон плечом и открутил кран. Из него хлынула струя воды, омывая пальцы и прохладой сбегая вниз.

Нравится? Если речь о дружбе, то Сун Ицзэ был ему безумно симпатичен. Но если как мужчина...

— Нет, — ровным тоном проговорил Нин Си под шум воды. — Не нравится.

В школьном корпусе было слишком тихо. Разросшиеся за окном ветви деревьев тянулись к длинному коридору, отбрасывая на пол блёклые тени.

Жара стояла невыносимая.

Птицы прятались в гнёздах, на улице не было ни души, и всё вокруг плавилось от душного зноя.

Жара была такой иссушающей, что за стенкой, всего в шаге от Нин Си, мороженое в руках Сун Ицзэ уже почти превратилось в жидкую лужицу.

<http://bllate.org/book/20373/2294232>